

Судаба АГАБАЛАЕВА

В слове "телеграмма" можно слышать как некоторое беспокойство, так и уверенность. Эта форма, выражающая два полюса коммуникации своим понятием внезапности и ожидания, в то же время обладает значением некоего моста между ушедшими и оставшимися, между вчера и сегодня; если ушел, то раньше был здесь, если не знаком, все же интересен, интересно, напомнит ли нам своими знаками то, чего мы ждали?

Весть о Вагифе Самедоглу тоже возымела эффект телеграммы: внезапность и ожидаемость. Как резонанс его первого стихотворного сборника "Телеграмма в пути".

Когда пришла "Телеграмма в пути", в пронизанной штампами идеологии было сильно восприятие национальных особенностей в самом общем виде в качестве провинциального колорита. Эта "телеграмма", дошедшая до нас спустя двенадцать лет после ухода Самеда Вургун, и завершение "астрономического цикла" литературы представили нам поэта с оригинальным концептуальным взглядом в связи с реалиями эпохи. "Вагиф больше пытается означивать, нежели выбирать. Старается смотреть на мир со своего ракурса, изобретать новые качества, новые признаки. И именно в этом ракурсе возникает его индивидуальный стиль" (И.Гасымзаде, "Телеграмма в пути", 1968). Разделившиеся на лагеря традиционалистов и модернистов думали да гадали: интересно, эта "телеграмма" отправлена с Пути Самеда Вургун? Конечно, не в чем их упрекать: поэзия Самеда Вургун по сей день воспринимается как выражение азербайджанской души, и в наши дни честь народа задевают камни, что бросают в его огород. И, безусловно, ошибаются те, кто думает, что творчество Самеда Вургун - выражение локального сознания. Ибо величие Самеда Вургун в том, что он, как и все великие мыслители, выражая национальный характер, душу своего народа, смог сделать его неотъемлемой частью мировой культуры. В этом смысле творчество Вагифа Самедоглу - лучший ответ на попытки представить Самеда Вургун как закрытую страни-

цу. Творчество Вагифа Самедоглу, являющееся событием культуры, благодаря гармонии интеллекта, опыта, врожденного таланта с умным и тонким вкусом, однозначным образом оказалось чуждым догматизму.

Разве то, что мы называем творчеством, не является созданием новых ценностей, и как тут наряду с воображением, опытом, умением можно передать забвению новую форму общественных отношений?!

*...В эту ночь я перечитал твои письма,
Письма человека, который
Столь сильно любит
Мир, Людей, Родину.
Перо твое твердо,
Язык речист,
Сердце полно тревог...
Все, что осталось от тебя:
надежды, вера в людей,
верность друзьям,
Наш родной язык,
На страже каждой точки и запятой
Которого ты стоял, -
Все это богатство
Перейдет и нам,
И твоим внукам,
И тем, кто придет после них.
Будь за нас спокоен!*

(В.Самедоглу,
"Ответ на письма отца")

Идея, Воля, Добро, Движение, Свет и Гармония. И Истина - сумма всего этого. В этой метафорической плоскости все трое - отец и сыновья - простое, ясное воплощение генетического наследования. В целом, творческая жизнь этой троицы своим ярким полифонизмом - образцом выражения философии художественной и эстетической деятельности. Конечно, есть и те, кто думает иначе, что поделать. "Так было испокон веков: верующие верят, неверующие нет" (Юсиф Самедоглу)! И эта троица так часто, с таким разнообразием напоминает в каждом повороте "времен и веков" сожаление о "быстротечности жизни...", что приходится расценивать семидесятилетие почти как героизм и чудо.

*И куда смогу уйти
Этим ходом, с этой смелостью?
Позволь мне соврать,
Теснит меня истина...*

Его семидесятилетие вовсе не было "привольным", вовсе... но в то же время было таким благословенным... Благословенным потому, что брат ушел в шестьдесят три:

*Я попросил судьбу повременить,
Но та отказала...*

(Юсиф Самедоглу,
"День казни")

Благословенным потому, что отец ушел в пятьдесят:

ОН БЫЛ

ВАГИФ САМЕДОГЛУ-85

Никуда, никуда я не спешу...

(Самед Вургун)

И потому Вагиф Самедоглу пишет:

*Он понял,
Сколь нужна надежда
Во всех этих
Коловращениях...*

Еще не отметив семидесятилетие, Вагиф Самедоглу произнес последний монолог надежды и любви за все жизни с азербайджанской сцены.

*Меня больше не мучает
То, что годы
Текут вверх,
То, что жизнь стекает вниз!
Знаю,
Все следы на земле
Проходят через жизнь...
А я ищу причин то жить,
То умереть.
Живу, терплю...*

Все еще не могу понять, почему в 75-летний юбилей Вагифа Самедоглу я думала о путях, ведущих в Шушу, о путях, уводящих из Шуши... Почему я думала о победном пути нашего великого возвращения в Шушу? Почему думала о Людях, которые изменят время путей-дорог!.. Почему я думала о том, что тяжесть и святость дороги в Шушу, напоминающей путь в Мекку, для азербайджанцев есть величайшее испытание... Слушая поэта, делящегося на сцене своей любовью к жизни, женщине, человеку, я думала еще и о том, что Вагиф Самедоглу - как и его отец Самед Вургун, как и его брат Юсиф Самедоглу - этот редкий талант, сумевший стать живым классиком азербайджанской культуры, проживает Судьбу Избранного, как и наша Избранная Шуша. И тогда я поняла, что больше никогда не смогу думать об этой четверице врозь.

"Шуша - это Солнце, Шуша - это Луна", пишет Самед Вургун. "Какими

РОЖДЕН СЛОВОМ!

красками рисуют на картах мою страну?", задается вопросом Вагиф Самедоглу. Эти строки и этот вопрос подтверждают возможность освобождения понятия "синдром Кассандры" от негативных оттенков за счет большого таланта.

Вопрос рожден не только неверием и сомнением, и дело не только в масштабе горизонтов воображения, вопрос в то же время указывает на необходимость перемен, это желание чего-то другого, чего-то иного... Это заражение "желанием увидеть нечто большее, чем мы видим" (Расул Рза) за счет переворота привычного образа мышления. Художественные вопросы порою встречаются с патетикой, пафосом, спешкой шаблонного, стереотипного толкования, но, по сути, это утешение посредством красоты жизни, смешанной со страхом безнадежности скорби, потерпевшей поражение, скорби, оставленной беспомощным временем, друзьями, ушедшими через открытую дверь, покинувшими нашу память. Юсиф Самедоглу, путившийся в путь, отталкиваясь от вопроса Самеда Вургун "Победит ли совершенство в мире?", вывел память в лабиринт, выраженный вопросом "Где родина людей, едящих честный свой хлеб?" Вагиф в этом лабиринте затосковал:

*Чайка, ищи меня,
Унеси меня отсюда...
Внутри меня темная ночь,
Внутри меня тесная улочка.
Чайка над морем, скажи,
Который час?*

Вагифу Самедоглу (и нам!) пришлось долго ждать Ответа... После долгой разлуки он потряс тишину этой безответности:

Слышишь ли?... Я здесь...

Читая обратившиеся в статую Глаза, шепчущие о том, что слова созданы для Бога и Женщины, Вагиф успел задать чуть ли не все вопросы; спросил у кривой дороги, сиротливого тупичка, одинокого граба, далекого отголоска, близкой тени, спросил у скачущего мимо всадника, дерева, ветра, о одиночества и единенности, души и духа, Бога...

Ожидая ответа на эти непростые вопросы, он вписал в память страхов вкус-портрет милых разлук, пламенных дождей, одиночества, тающего под снегом, падающим с земли на небо. Не найдя в памяти ничего, что могло бы утолить жажду, он вспомнил свой Голос:

*Холод пробежал
Между мной и солнцем
В пустыне миллионов людей,
Где я мерзну от одиночества...
Мама, где голос мой?*

Он казался "чужим" не только из-за этих неудобных вопросов. Вагиф Самедоглу всколыхнул интонацию стиха, интонацию "экзотической национальности" эпигонской, однообразной традиции.

*Тоска по краюшке хлеба
Заволокла тучей луну и солнце.
Настали черные дни.*

Вагиф никоим образом не гнал прочь традицию, не отрицал пройденный путь, он видел точку, где пересекались различие и сходство традиции и устарелости.

*Нельзя сказать "прощай" былому,
Человек способен проститься
Лишь с будущим.*

Его взгляд на прошлое и будущее был столь ясным и спокойным, что Расул Рза сказал: "Прочти это невежа даже сотню раз, все равно не понял бы".

*Не бойтесь нас, нет,
Бойтесь тех, кто придет после...
Никто не знает, почему и с чем,
С каким намерением приходят они.
Никому не придет на ум,
Откуда появятся те,
Кто идет после нас...*

*Какими будут их песни,
слова этих песен,
О чем они будут?
Придут лишь, чтобы убить,
Или
О чем-то вам поведают
Перед тем, как занести
Меч над головой?
Бойтесь,
Бойтесь тех, кто идет после нас...*

Как и все настоящие и большие таланты Вагиф Самедоглу не думал о выстраивании образа поэта, Вагиф Самедоглу стал Образом. Как и Вагиф Мустафазаде, открывший новую страницу в интерпретации мугама с джазом, Вагиф Самедоглу создал в поэзии интерпретацию "джаза с сазом" и тем самым сошел в суть национальной идентичности - дал общечеловеческое выражение национально-духовной сущности и, наряду с тем, в очередной раз подтвердил, что национальная идентичность

обладает серьезными социологическими проблемами.

*Ты ведь слышал на стольких языках
Слово "Свобода".
Ты ведь мог отличать
Правду и кривду мира сего.
Ты ведь прочел
Слезы надежды,
Стихи, написанные для того,
Чтобы как платком утереть.
Ты ведь через многие окна мира
Видел утро...*

Вагиф Самедоглу всегда видел, как его отец Самед Вургун негодовал из-за поправленной свободы народов Африки, и этот сын, доверив свое сердце памяти отца, утешал всеми силами мерзную на стуже свободу:

*Падает на нашу землю
Снег иных земель.*

Вопросы, задаваемые Вагифом Самедоглу, не оставались в поле пассивно-романтического поэтического сознания, но целились в конце 60-х годов обвиняющим перстом в Организацию Объединенных Наций, привлекая внимание к трагедии во Вьетнаме, выписывали рецепт знакомой скорбной боли родины, поделенной надвое.

*Родина так сладка,
Сладка, хоть и разорена...
Но в войне сладка Родина,
Поделенная надвое!
...В таком случае ее судьба зависит
От воев крепкой отваги,
От чести, которая в нужное время
Обратится в оружие.*

Вагиф Самедоглу считал горе Родины самой надеждой Человека. Вагиф Самедоглу никогда не признавался в любви к Родине с трибун, высоких кафедр. Вагиф Самедоглу проживал Родину - проживал как любовь, проживал целиком. Вагиф Самедоглу пришел в этот мир научить общество культуре оппозиции, умению принимать инакомыслие, при этом оставаясь сплоченным и единым народом...

*Не держитесь от меня подальше
И друг от друга.
Не оставляйте меня одного
И друг друга.*

Что бы и в каком бы жанре ни писал Вагиф Самедоглу, он писал, чтобы научить людей любить. Своими произведениями он сам стал Жанром. Он не

обучался стихам ни у кого; он был рожден Словом.

*Научи меня писать стихи,
Научи, о волчий след...
Чтобы видно было, откуда
И куда идут мои слова.
Пусть мои стихи имеют право
Жить,
И как ты отпечататься в земле,
Пусть, о волчий след.*

Вагиф Самедоглу научил своего читателя видеть человека как цвет, как звук, как слово. Цвет его творчества ближе к фиолетовому - соединению нескольких цветов. Хотя в этом цвете участвуют красный и синий - два основных цвета - фиолетовый не столь теплый, как красный, но склонен, как и он, к отрицанию, выражает свободу внутренней энергии, выражает, как и синий, торжество света над тьмой. В фиолетовом есть и желтый - позиция между синим и красным; немного пессимизма, немного усталости... Творчество Вагифа Самедоглу - это синтез, как и фиолетовый цвет, на который оно походит. Особый образец презента, призывающего к сравнению эпох, манер, культур. Его творчество напоминает метеор, сошедший на землю из иных времен, иного способа мыслить. Его поэтический синтаксис крайне драматургичен, в высшей степени аристократичен, в высшей степени всечеловечен... Оно будет интересным всегда, будет призывать к взаимному общению.

Слово "помянуть" по отношению к Вагифу Самедоглу кажется излишним. Мало прочесть Вагифа Самедоглу, Не следует обучаться Вагифу Самедоглу.

И не следует изумляться Вагифу Самедоглу.

Вагифа Самедоглу надо просто прожить.

Ведь он не оставляет другого пути...

*Если вдруг
Захочешь мне написать,
Напиши вот так
Это письмо:
"...Москва К9...
До востребования.
Самому несчастному"...
Столько рук человеческих
Протянутся к твоему письму
В узкое телеграфное окошко.
И одиночество рук моих
Затеряется среди всех этих рук...*

Перевод Ниджата МАМЕДОВА